

Введение въ философію. Сочиненіе *Генрижа Струве*. Варшава. 1890. 410 стр.

Что разумѣется обыкновенно подъ введеніемъ въ философію? Какія нибудь предварительныя понятія объ этой наукѣ, напримѣръ, опредѣленіе философіи, доказательство ея важности и необходимости, разсужденіе о ея методѣ и главныхъ частяхъ. Все это обыкновенно составляетъ предметъ только одной вступительной главы въ сочиненіяхъ, посвященныхъ изложенію или курса философіи, или одной какой нибудь философской науки. Между тѣмъ, у нашего автора эта вступительная глава обращена въ особый трактатъ и составила сложную и обширную книгу. Правда, эта книга имѣетъ еще другое заглавіе—Разборъ основныхъ началъ философіи вообще; но эти общія и неопредѣленныя слова, какъ оказалось, не означаютъ какого нибудь особеннаго содержанія книги; въ ней не устанавливаются и не обсуждаются какія нибудь основныя начала, то-есть, принципы, верховныя положенія, изъ которыхъ исходить философія; книга посвящена именно тому, что обыкновенно разумѣется подъ словомъ введеніе.

Но мало того, что авторъ далъ такіе широкіе размѣры предварительнымъ понятіямъ о философіи; онъ вообще задался мыслью о вѣкоторой „основной наукѣ философіи“ (пред. стр. XII), которую называетъ „философіей философіи“, и та книга, которую мы разсматриваемъ, есть только первая часть этой науки. Хотя авторъ говоритъ, что онъ „далекъ отъ мысли считать себя основателемъ новой философской науки“ (стр. XII), однако планъ его имѣетъ всѣ признаки новизны. Самъ же онъ, перебравши литературу, сколько нибудь относящуюся къ задуманной цѣли, говоритъ:

„Сравнивая содержаніе важнѣйшихъ сочиненій нашего времени, посвященныхъ нашей наукѣ, съ ея дѣйствительнымъ предметомъ изслѣдованія, мы приходимъ къ заключенію, что ни одно изъ нихъ не представляетъ полнаго типа философіи философіи въ смыслѣ особой философской науки“ (стр. XI). Между тѣмъ, эта наука „должна составлять исходную точку для всякаго вообще философствованія, для всякаго разрѣшенія спеціальныхъ задачъ философіи“ (стр. VIII). Авторъ выражаетъ свое „глубокое убѣжденіе“, что именно отсутствію этой науки или, по крайней мѣрѣ, ея совершенной неразработанности нужно приписать „хаосъ, господствующій въ настоящее время на поприщѣ философскихъ воззрѣній, отсутствіе твердыхъ основъ для рациональной коопераціи ученыхъ на этомъ поприщѣ, бесплодные

спору изъ за преимуществъ или исключительной научности того или другого направленія, произвольное смѣшеніе личныхъ, или господствующихъ въ той или другой средѣ взглядовъ съ научностью и истиною вообще — всѣ эти и многіе другіе недостатки современнаго философствованія“ (стр. VI, VII).

Въ чемъ же состоитъ планъ столь полезной науки? Философія философин должна содержать: 1) „разборъ основныхъ началъ философіи вообще, ея предмета и задачъ, ея характеристическихъ чертъ въ сравненіи съ другими явленіями умственной жизни, ея метода и пособій (Введеніе въ философію)“; 2) „разсмотрѣніе научной организаціи философіи, истекающей изъ спеціализаціи ея задачъ, проблемъ (Энциклопедія философскихъ наукъ)“; и, наконецъ, 3) „обозрѣніе и сравнительную оцѣнку разнородныхъ типическихъ попытокъ рѣшенія философскихъ задачъ, то-есть, такъ называемыхъ направленій или школъ (Энциклопедія философскихъ направленій)“ (стр. VI).

Итакъ, вотъ что нужно изучать прежде чѣмъ приниматься за какое-нибудь философствованіе. Согласно съ этимъ, книга г. Струве имѣетъ еще другое, болѣе общее заглавіе, именно, она называется такъ: Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій, въ связи съ введеніемъ въ философію, или философія философин. Часть первая. Введеніе въ философію. Авторъ обѣщаетъ современнѣхъ издать и остальныя двѣ части.

О содержаніи первой части мы уже говорили. Замѣтимъ только, что въ общемъ заглавіи эта часть обозначена не на надлежащемъ мѣстѣ; сказано: въ связи съ введеніемъ, какъ будто это введеніе есть лишь второстепенный предметъ, не вполне исчерпываемый въ курсѣ другаго предмета, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ излагается вполне и даже стоитъ на первомъ мѣстѣ.

О второй части замѣтимъ, что обыкновенно подъ заглавіемъ энциклопедіи въ философской литературѣ понимается просто изложеніе всего круга философскихъ наукъ, ничѣмъ существенно не отличающееся отъ изложенія этихъ наукъ въ отдѣльности, и если бывающее болѣе краткимъ, то лишь вслѣдствіе обширности такого предмета. Время и силы преподавателя и слушателей не допускаютъ пространныго изложенія, между тѣмъ философъ желаетъ показать связь всѣхъ частей своей системы, — вотъ откуда произошли энциклопедіи философин, появляющіяся, впрочемъ, очень рѣдко. Между тѣмъ у нашего автора такая энциклопедія должна играть роль въ некоторой про-

педевтики, не посвященія въ систему философскихъ наукъ, а только подготовленія къ ихъ изученію. Очень трудно себѣ представить, какой видъ можетъ имѣть подобная энциклопедія.

Наконецъ, что касается третьей части, то авторъ, повидимому, желаетъ создать ученіе, еще не существующее въ числѣ философскихъ учений. „Обозрѣніе и оцѣнка типическихъ философскихъ направленій, или школъ“ — что слѣдуетъ разумѣть подъ этими словами? Не значить ли это просто исторія философин? Эта исторія вѣдь излагаетъ послѣдовательно ученія всѣхъ различныхъ философскихъ школъ, возникавшихъ отъ древности до нашего времени. Но тогда авторъ такъ и назвалъ бы исторіею третью часть своей основной науки. Очевидно, онъ разумѣетъ другое, именно, направленія всегда возможные, или, по крайней мѣрѣ, имѣющія силу въ настоящее время. Такъ Коптъ различалъ три фазиса человѣческой мысли, теологическій, метафизическій и позитивный; такъ Кузенъ во всей исторіи философин находилъ многократное повтореніе четырехъ главныхъ направленій: сенсуализма, идеализма, скептицизма и мистицизма. Во всякомъ случаѣ, безъ исторіи тутъ обойтись нельзя; если же взять только направленія, существующія въ настоящую минуту, то это будетъ, конечно, любопытное обозрѣніе, но не имѣющее строго научнаго характера. Казалось бы, что судомъ надъ современными направленіями слѣдовало бы оканчивать, а не начинать занятія философіею.

Но авторъ смотритъ иначе. Знакомство съ философіею для него означаетъ именно знакомство съ различными нынѣшними ученіями и съ тою философскою литературою, которая появилась въ послѣдніе годы. „Я признавалъ“, говоритъ онъ, „современное фактическое состояніе философин и вообще ея жизненныя проявленія въ настоящемъ исходною точкою всякаго самостоятельнаго изученія ея началъ. При изученіи же послѣдняго предмета (?) я пользовался литературнымъ матеріаломъ, какъ необходимымъ пособіемъ, и стремился разъяснить каждый вопросъ при помощи этого матеріала“ (стр. XIII).

Эти слова, какъ кажется, вполне объясняютъ составъ и характеръ разбираемой книги. Она собственно не рѣшаетъ вопросовъ, а представляетъ только „удобное подготовительное пособіе“ (стр. XV) для запятій разными вопросами. Такъ въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „Вопросъ о томъ, что такое философія и что составляетъ настоящій предметъ ея изслѣдованія, можетъ быть научно разрѣшенъ только на основаніи предварительнаго изученія и разбора выдающихся проявленій философской мысли. Для этого нужна особая наука,

именно та наука, которою мы въ настоящее время и занимаемся, то-есть, введеніе въ философію и энциклопедія философскихъ наукъ и направленій. Этой науки нѣтъ въ системѣ позитивныхъ наукъ Конта* (стр. 109). Нужно бы прибавить, что и вообще нѣтъ еще такой науки ни въ какихъ системахъ ¹⁾.

Мы видимъ, слѣдовательно, что даже опредѣленіе философіи откладывается до полного изученія новой науки, которой вышла лишь первая часть. Замѣтимъ, кстати, что мы здѣсь попадаемъ въ безвыходный кругъ. Если вопросъ о философіи рѣшается лишь „на основаніи разбора проявленій философской мысли“, то какъ-же мы отличимъ эти проявленія отъ всякихъ другихъ явленій умственного міра? Большинство даже тѣхъ книгъ, въ самомъ заглавіи которыхъ стоятъ слово философія, признаются иными строгими судьями за псевдофилософскія произведенія. Ни современность, ни ученое званіе автора, ни употребленіе научныхъ терминовъ, — ничто подобное еще не рѣшаетъ дѣла; тутъ нужны внутренніе признаки, нужны тѣ приемы мысли, которые дѣйствительно имѣютъ философскій характеръ. Но такъ какъ авторъ заданъ мыслью только о какой-то подготовительной наукѣ, то онъ не обратилъ вниманія на это затрудненіе. Онъ, напротивъ, постарался привести въ книгѣ какъ можно больше литературы, главнымъ образомъ, новѣйшей, лишь-бы она какъ-нибудь соприкасалась съ предметами, зачисленными имъ въ „философію философіи“. Въ доброе старое время, всякая ссылка на другую книгу цѣнилась очень дорого, считалась честью, оказанною этой книгѣ, и читатель съ уваженіемъ замѣчалъ имя автора и заглавіе. Теперь дѣло идетъ совершенно иначе. Указанія на литературу и всякія ссылки имѣютъ характеръ просто библиографическій, и не даютъ читателю никакого понятія о достоинствѣ перечисляемыхъ сочиненій. Нашъ авторъ обратилъ особенное вниманіе на русскія книги; поэтому у него упоминаются, почти безъ исключенія, всѣ тѣ авторы и произведенія, такъ или иначе относящіеся къ философской литературѣ, которыхъ такъ много появилось въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ. Такимъ образомъ, если начинающій будетъ руководиться книгою г. Струве, онъ можетъ подумать, что философія у насъ

¹⁾ Авторъ и въ другихъ мѣстахъ весьма твердо указываетъ на свою предполагаемую „основную науку“. Напримеръ, въ числѣ „особыхъ задачъ философіи, ей только свойственныхъ“, онъ ставитъ на первомъ мѣстѣ: 1) „Разсмотрѣніе самой философіи (философіи философіи), то-есть, введеніе въ философію и энциклопедія философскихъ наукъ и направленій“ (стр. 111).

имѣеть богатую литературу. Вообще, подобное „подготовленіе“ къ занятіямъ философскими вопросами легко можетъ повести къ тому, что начинающій растеряется среди множества именъ и ссылокъ и, ознакомившись съ разными, такъ сказать, внѣшними обстоятельствами философіи, — съ книгами, терминами, именами, — не получитъ однако ни единого философскаго воззрѣнія.

Чтобы видѣть, какъ нашъ авторъ трактуетъ вопросы, которымъ посвятилъ свою книгу, возьмемъ для примѣра параграфъ 13-й: „Философія и естественныя науки“.

Сначала указывается на то, что „поразительные успѣхи новѣйшихъ временъ на поприщѣ изслѣдованія явленій природы возбудили къ естественнымъ наукамъ всеобщее довѣріе въ ущербъ философіи“, (стр. 128). Едва-ли можно это назвать яснымъ изъясненіемъ извѣстнаго факта въ недавней исторіи умственного движенія. Потому авторъ утверждаетъ, что будто-бы „многіе естествоиспытатели имѣютъ философію въ обязанность разяснять и оправдывать исключительно ученія естествознанія“ (стр. 129). Но развѣ были такіе естествоиспытатели? Они вообще знать не хотѣли философію и думали, что могутъ вполне обойтись безъ нея. Наконецъ, нашъ авторъ рассказываетъ, что произошла реакція, что явились математики и натуралисты, которые „указывали на необходимость подвергнуть предположенія и выводы естествознанія философскому разбору. Къ ихъ числу принадлежатъ такіе знаменитые изслѣдователи, какъ Лобачевскій, Риманъ, Гельмгольцъ, Людвигъ, Вирховъ, Дю-Буа-Реймондъ, Курно, Бусинэ, Сентъ-Венанъ, Дельбёфъ, Клодъ Бернаръ, Тивдалъ, Гёксли, Преьеръ, Пфлюгеръ, Бунге и др.“, (стр. 130).

Вотъ образчикъ тѣхъ приемовъ которые употребляются въ книгѣ. Очевидно, весь этотъ параграфъ не есть теоретическое разсужденіе, а просто небольшой очеркъ изъ исторіи философіи. Отношенія между философіею и естествознаніемъ тутъ не разсматриваются по существу, по основнымъ свойствамъ той или другой умственной области, а просто излагаются факты недавнихъ отношеній между ними. Эти факты, правда, могли-бы служить поясненіемъ и некотораго взгляда на существо дѣла, но такого взгляда тутъ не излагается. Вся исторія начинается, какъ мы видѣли, съ того, что естественныя науки оказали большіе успѣхи; во развѣ отъ этого могли измѣниться отношенія между этими науками и философіею? Въ публикѣ могла появиться мода на естествознаніе, но еще не видно, почему-бы должна про-

изойти перемѣна въ самой наукѣ. Такимъ образомъ, и всякія временно господствующія и распространенныя мнѣнія ученыхъ тоже ничего намъ не разъясняютъ, если мы не составили себѣ какого-нибудь определеннаго понятія о дѣлѣ и не можемъ на основаніи этого понятія судить объ этихъ мнѣніяхъ.

Повидимому, все должно бы разъясниться при изложеніи современной реакціи въ пользу философіи. Еслибы мы могли хорошо видѣть, почему и въ чемъ философія оказалась необходимою для естествознанія, то мы бы уже вполне понимали ихъ взаимныя отношенія. Но и тутъ мы находимъ въ книгѣ не изложеніе существа дѣла, а только одну внѣшнюю исторію, только мнѣнія и термины, только имена ученыхъ и заглавія книгъ. На цѣлыхъ двадцати страницахъ (131—151) авторъ излагаетъ эту исторію; каждому изъ шестнадцати именъ: Лобачевскій, Риманъ, Гельмгольцъ и пр. авторъ посвящаетъ особый небольшой очеркъ. Но въ этихъ очеркахъ онъ прямо старается изложить тотъ окончательный выводъ, къ которому пришелъ изслѣдователь, и ничуть не старается указать, почему и какимъ образомъ онъ къ нему пришелъ. Вслѣдствіе этого, тутъ нѣтъ никакой нити, не разъясняется никакое руководящее понятіе, и весь перечень образуетъ нѣчто безсвязное и часто совершенно непонятное. Напримѣръ, мы читаемъ:

„Дю-Буа ограничиваетъ безусловно научность и положительность естествознанія механикою атомовъ“. „Но такое познаніе доступно для человѣка, по Дю-Буа, въ очень ограниченныхъ предѣлахъ. Прежде всего потому, что оно основывается на предположеніи объ исключительномъ господствѣ въ природѣ однихъ только количественныхъ отношеній и о дѣлимости атомовъ до безконечности, тогда какъ это предположеніе доводитъ до противорѣчій и не можетъ быть развито съ полною послѣдовательностью. Это первый предѣлъ научнаго естествознанія“ (стр. 135, 136).

Всякій, кто хорошо проходилъ гимназическій курсъ физики, конечно, ясно понимаетъ, что такое механика атомовъ. Но что онъ можетъ больше понять въ тѣхъ словахъ, которыя мы привели? Какимъ чудомъ оказалось, что механика атомовъ основывается на предположеніи о дѣлимости атомовъ до безконечности? Въ чемъ состоятъ противорѣчія и непослѣдовательности, найденныя Дю-Буа? Очень любопытно узнать первый предѣлъ научнаго естествознанія, установленный Дю-Буа, но этотъ предѣлъ остается совершенною загадкою для читателей приведеннаго нами изложенія.

Приведемъ еще примѣръ:

„Пфлюгеръ указалъ на необходимость принять во вниманіе неоспоримые факты, доказывающіе цѣлесообразность въ явленіяхъ природы. Въ этихъ видахъ онъ написалъ особое сочиненіе О цѣлесообразной механикѣ живой природы, въ которомъ онъ доказываетъ, что основною цѣлью всѣхъ процессовъ въ живомъ организмѣ служитъ благосостояніе животнаго (Wohlfahrt des Thieres). то-есть, что безконечное число жизненныхъ явленій находится подъ господствомъ одного руководящаго начала, заключающагося въ цѣлесообразнѣйшемъ обеспеченіи существованія организма (Prinzip der zweckmässigsten Sicherung der Existenz). Согласно съ этимъ принципомъ Пфлюгеръ доходитъ до опредѣленія основнаго закона цѣлесообразной механики жизни, по которому причина всякой потребности живаго существа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и причина удовлетворенія этой потребности (Die Ursache jeden Bedürfnisses eines lebendigen Wesens ist zugleich die Ursache der Befriedigung des Bedürfnisses). Благодаря этому воззрѣнію, механизмъ пересталъ быть единственнымъ и самымъ высшимъ принципомъ природы, а сдѣлался только средствомъ для осуществленія ея цѣлей“ (стр. 139, 140).

Читающій эти строки едва ли можетъ понять, въ чемъ же состоитъ мысль Пфлюгера. Сначала можно подумать, что это обыкновенный приверженецъ телеологіи, какихъ существовало великое множество, начиная отъ Сократа или еще отъ болѣе древнихъ мыслителей. Но тогда было бы не понятно, чѣмъ же онъ лучше другихъ и почему его факты убѣдительнѣе, чѣмъ безчисленныя указанія прежнихъ наблюдателей. Вѣрнѣе, поэтому, думать, что онъ въ сущности противникъ телеологіи, подобный, напримѣръ, дарвинистамъ. Онъ хочетъ, кажется, сказать, что то, что мы называемъ цѣлью, въ сущности есть неизбежное слѣдствіе механизма, и потому цѣли въ природѣ есть лишь нѣчто кажущееся, чѣмъ и объясняется вся загадка. Такъ какъ въ нашей книгѣ изложены, очевидно, только выводныя положенія Пфлюгера, то отъ этого и вышло, что настоящей его мысли вовсе нельзя понять.

Сдѣлаемъ теперь общее замѣчаніе. Нашъ авторъ находитъ реакцію въ пользу философіи вездѣ, гдѣ въ наукахъ возникаютъ сомнѣнія, являются необъяснимые факты или неразрѣшимыя недоразумѣнія. Онъ заключаетъ весь перечень, изъ котораго мы приводили образчики, такими словами:

„Разъясненіе всѣхъ приведенныхъ недоразумѣній и вопросовъ касательно основныхъ началъ естествознанія не составляетъ предмета опредѣленной частной естественной науки, но входитъ въ сферу философіи“ (стр. 141).

Совершенно справедливо, что нѣтъ такой особой естественной науки, которая разрѣшала бы недоразумѣнія и вопросы другихъ естественныхъ наукъ; но отсюда еще не видно, что для этого дѣла необходима философія. Едва ли эту необходимость признаютъ всѣ тѣ натуралисты и математики, которые были выше перечислены. Какіе бы вопросы, частные или общіе, ни возникали въ наукахъ, какое бы затрудненіе въ нихъ ни встрѣчалось, обыкновенно ученые ни мало не думаютъ обращаться къ философіи; они крѣпко вѣрятъ въ самостоятельность своей науки и полагаютъ, что она современемъ собственными силами разрѣшетъ свои недоразумѣнія и разрѣшитъ свои вопросы. А если они иногда вовсе отказываются отъ какихъ-нибудь трудныхъ задачъ, то тоже ничуть не думаютъ передавать эти задачи философіи, а прямо объявляютъ ихъ неразрѣшимыми, то-есть, объявляютъ, что чего не разрѣшила ихъ наука, того и никакая другая разрѣшить не можетъ. Такъ Дю-Буа провозгласилъ свое знаменитое *Ignorabimus!* по поводу трудныхъ вопросовъ о матеріи и духѣ. Вообще, если многіе натуралисты говорятъ о духовныхъ явленіяхъ и существахъ, то это ничуть не значитъ, что они пришли или готовы прійти къ философіи; скорѣе они, наоборотъ, желаютъ устранить всякую философію и получить духовный міръ, такъ сказать, въ свое вѣдѣніе. Таковы Тэтъ и Стюартъ, авторы книги „Невидимый міръ“; таковы ученые спириты и т. д.

Итакъ, на основаніи тѣхъ признаковъ, которые указываются авторомъ, нельзя еще утверждать, что совершилась дѣйствительная реакція въ пользу философіи. Эта реакція могла бы произойти лишь тогда, еслибы ясно были дознаны и утверждены истинныя границы естественныхъ наукъ и истинныя права философіи. Пока возможно всякое смѣшеніе этихъ областей, пока мы не знаемъ какой вопросъ подлежитъ физикѣ или биологіи, и какой философіи, до тѣхъ поръ философія никакъ не будетъ въ силахъ доказать свою самостоятельность и необходимость. Такъ и самъ авторъ разбираемой книги, въ концѣ всего разсужденія, приходитъ въ сущности именно къ такому смѣшенію научныхъ границъ. Какъ на результатъ всей исторіи наукъ и философіи до послѣдняго времени, какъ на окончательный выводъ изъ всѣхъ ссылокъ и мнѣній, онъ указываетъ на „убѣжденіе

современныхъ мыслителей“, что „необходимо основывать философскія обобщенія касательно природы на результатахъ естественныхъ наукъ“ (стр. 149). Но если такъ, то эти результаты войдутъ въ философію, какъ нѣкоторый существенный элементъ. Мы видѣли прежде, что философія какъ будто можетъ разрѣшать тѣ недоразумѣнія и вопросы, которые не по силамъ для естественныхъ наукъ; можно было думать, слѣдовательно, что она имѣетъ какіе-то опоры и приемы, для этихъ наукъ недоступныя. Теперь же оказывается, что она должна въ этихъ случаяхъ принимать за основаніе результаты этихъ наукъ. Не въ правѣ ли натуралисты сказать, что сами они лучше философовъ знаютъ и понимаютъ эти результаты, а потому и могутъ сдѣлать изъ нихъ самые правильные выводы и обобщенія?

Разобранный нами параграфъ 13-й можетъ служить примѣромъ того, какой составъ и какое изложеніе представляютъ остальные параграфы (всѣхъ ихъ 22). Вездѣ то же сопоставленіе различныхъ мнѣній, такое же накопленіе историческихъ и библиографическихъ указаній, безъ опредѣленнаго взгляда на вопросы. Намъ кажется, что такое „подготовленіе къ занятіямъ философіею“ можетъ только разсѣять вниманіе читателя и заслонить отъ него сущность дѣла.

Воздерживаемся отъ частныхъ замѣчаній, которыя не могутъ имѣть большой важности въ сравненіи съ такими крупными особенностями, какія представляетъ эта книга, взятая въ цѣломъ.

Н. Страховъ.